

CZU: 372.8821.161.1

DOI: 10.36120/2587-3636.v23i1.163-172

ИСТОРИОСОФСКОЕ ОСВОЕНИЕ КОНЦЕПТА «СТЕПЬ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Людмила КАМЕДИНА, доктор культурологии
профессор кафедры русской литературы
Забайкальского Федерального университета

<https://orcid.org/0000-0003-0308-8696>

Аннотация. В статье предлагается историософский взгляд на проблему Русского исхода с ключевым понятием «степь» для литературного образования школьников. Новым является не только взгляд на концепт «степь» с исторической и духовной точки зрения, но и то, что материалом к исследованию служат региональные тексты, в которых наиболее полно раскрыта тема Исхода на востоке страны с художественной реализацией библейского архетипа Степи. На уроках «Забайкаловедения» школьники выявляют авторские позиции забайкальских писателей на события Исхода, его сущность и последствия, сравнивают их с оригинальным взглядом на образ Степи в фольклоре и русской литературе. Через литературное образование, работая с концептом «степь», школьники осваивают Русский исход как событие историческое, жертвенное. Одновременно происходит процесс воспитания духовно-патриотическими идеями.

Ключевые слова: степь, Исход, библейские архетипы, литературное образование и воспитание, забайкаловедение.

HISTORIO-SOPHICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT «STEP» IN LITERATURE LESSONS

Lyudmila KAMEDINA, PhD., Professor

Department of Russian Literature of Zabaykal Federal University

Abstract. The article offers a historiosophical view of the problem of the Russian outcome with the key concept of “steppe” for the literary education of schoolchildren. New is not only a look at the concept of the “steppe” from a historical and spiritual point of view, but also the fact that regional texts serve as the material for the study, in which the theme of the Exodus in the east of the country with the artistic realization of the biblical archetype of the Steppe is most fully disclosed. On the lessons of Transbaikalian studies, schoolchildren identify the author’s positions of Transbaikalian writers on the events of the Exodus, its essence and consequences, compare them with the original look at the image of the Steppe in folklore and Russian literature. Through literary education, schoolchildren master the Russian outcome as a historical, sacrificial event, working with the concept of “steppe”. At the same time, a process of education with spiritual and patriotic ideas is taking place.

Key words: steppe, Exodus, biblical archetypes, literary education and upbringing, Transbaikalian studies.

VALORIFICAREA ISTORIOSOFICĂ A CONCEPTULUI „STEPĂ” LA ORELE DE LITERATURĂ

Rezumat. Articolul oferă o concepție istoriosofică cu privire la problema Exodului rusesc și noțiunea cheie „stepă” în instruirea (educația) literară a elevilor. O noutate este nu numai concepția asupra noțiunii „stepă”, din punct de vedere istoric și spiritual (duhovnicesc, religios), dar și faptul că sunt studiate textele regionale în care remarcăm cel mai înalt nivel de dezvoltare a temei Exodului în estul țării și realizarea artistică a arhetipului biblic Stepă. La orele despre Regiunea Trans-Baikal elevii dezvoltă punctul de

vedere al scriitorilor din Trans-Baikal referitor la evenimentele Exodului, esența și consecințele lui, le compară cu redarea originală a imaginii stepei în folclor și în literatura rusă. Elevii, prin educația literară, analizând conceptul stepă, menționează că exodul rusesc este un eveniment istoric, de sacrificiu (de jertfă). Simultan are loc educația patriotică și spirituală a generației tinere.

Cuvinte cheie: stepă, Exod, arhetipuri biblice, instruirea și educația literară, studiu despre Trans-Baikal.

Введение

Концепт как ментальное образование, существующее в пространстве языка, определяет характер картины мира. По определению Ю.С. Степанова, концепт как бы сгусток культуры в сознании человека, одновременно и человек через концепт входит в пространство культуры и определённым образом влияет на неё [8, с. 42-83]. Идеи Ю. Степанова о концептах взяты в основу данного исследования. Актуально рассмотреть концепт «stepь» не только как пространство боёв «своих» и «чужих», запечатлённых в русском фольклоре и литературе, и не только как хронотоп со всей его пространственно-временной символикой, но и по-новому для русской культуры обозначить Stepь как пространство Русского исхода, который имеет свою предысторию, развитие, кульминацию и завершение. Актуально обратить внимание на региональную литературу, которая разработала тему Исхода на востоке страны. На уроках истории детям рассказывают трагедию Русского исхода, свершившегося через западные ворота России. В литературе это событие отразил М.А. Булгаков в пьесе «Бег». Однако для целостного представления значимо включить в литературное образование тему Русского исхода, проходившего через восточные ворота Маньчжурской степи, в частности, в уроки по забайкаловедению.

Целью исследования является раскрытие для школьников историсофского взгляда на Stepь не в привычном образе дикого поля, где сходятся богатыри, воины, казаки с вражьей силой, а как пространство перехода от родной земли в «чужую». Такой переход осуществляется не для войны, а ради одоления тягот и деятельного освоения новой земли. Такие идеи особенно важны для многонационального и многоконфессионального Забайкалья.

Методы и материалы исследования концепта «stepь» на уроках литературы

Материалом к размышлению служат тексты устного народного творчества, древнерусской литературы, классики XIX-XX вв., в которых отразилась тема Stepи, а также произведения региональной забайкальской литературы, в которой тема Русского исхода через Маньчжурскую степь как спасительное пространство является актуальной и значимой.

Методологией исследования выбран структурно-семиотический подход, который позволяет опознать архетипы древнего библейского «Исхода» в структуре текстов русской литературы, определить закодированные знаки и символы в выбранных художественных произведениях. Сравнительно-исторический метод

позволяет сравнить одинаковые архетипические коды в древних и современных текстах, которые сохраняют свои смыслы на протяжении всей культурной истории. Тео-аксиологический подход к исследованию темы определяет значимые ценности и смыслы в структуре анализируемого текста, отдавая предпочтение библейской аксиологии.

Концепцию Степи как свободного пространства, которое не принадлежит никому, но в то же время пространства, на котором всегда происходят выяснения отношений между «своими» и «чужими», освоили фольклор и древнерусская литература. В этих текстах Степь всегда представляла опасность для Руси. В былинах враг приходит из Степи, из чужой, «незнаемой» земли. Русские богатыри не бились на своей территории, они выходили в дикое поле: часто одерживали победу, реже проигрывали [1]. Степное сознание было чуждо русскому человеку, поэтому последующее за былинной эпохой сознание древнерусского книжника поставило проблему Степи: что с ней делать? Оставить ли пространство Степи диким полем или освоить его? Школьникам предлагается ответить на эти вопросы через изучение региональной литературы.

Работа со Словарём В.И. Даля открывает определение «степи» как «безлесной и нередко безводной пустоши..., пустыни» [3, с. 322]. Но пустое пространство может быть наполнено. Степь для русского человека оказалась пространством деятельности, полем приложения сил. Предлагается вспомнить, как в эпическом «Слове о полку Игореве» XII в. Степь ещё представляет опасность, несёт гибель, но уже здесь заключается союз со Степью: «Рече Кончак ко Гзе: «Аже сокол ко гнезду летит, а ве соколца опутаеви красною девицею» [7, с. 145]. Речь идёт о заключении брачного союза князя Владимира, сына князя Игоря, с половецкой княжной Кончаковной, дочерью хана Кончака. Это союз со Степью, к которой у русских князей было разное отношение: они воевали, мирились, брали Степь в союзники против общего врага. Деятельное отношение к Степи в «Повести временных лет» показал князь Святослав Киевский, который долго не мог одолеть хазар, наконец, собрав силы, ударил по Степи. После разгрома хазарских войск и уничтожения главных городов хазар Князь приказал сжечь всё, что осталось, распахать это Поле и засеять его пшеницей, чтобы возвращаться врагу было некуда.

Одоление Степи продолжалось строительством станиц, деревень, городов, поднятием целины – всё это отражено в текстах русской литературы XVIII, XIX, XX веков. Г.Р. Державин, А.Н. Радищев упоминают о заселении южных степей России, о потёмкинских деревнях, освоении Крымских степей. Гоголевский Чичиков скупает «крестьян», чтобы заселить их в Херсонскую губернию, подальше от Государева ока, чтобы прокуроры не обнаружили подмены купленных «мёртвых

душ», да и земля эта давалась бесплатно под заселение. В советской литературе продолжается тема освоения Степи, это отражено, например, в романах А.С. Серафимовича «Город в степи» и М.А. Шолохова «Поднятая целина».

Таким образом, русская жизнь и русская литература ответили на вопрос: что делать со Степью? Решено было не огораживаться от Степи, а поглотить её пространства деятельным освоением.

Тему Степи как сакрального пространства Исхода впервые поставил и попытался разрешить А.П. Чехов. Школьники изучают его повесть «Степь» на разных уровнях литературного образования: в 3 классе знакомятся с пейзажем степи; в 6 или 7 классах в зависимости от программы погружаются в изучение «биографий настроений» степи; в 10 классе углубляются в философию чеховского текста. Концепт «степь» связан у Чехова с понятием библейского Исхода, которое взято из названия Ветхого Завета, второй книги Пятикнижия Моисея. «Исход» повествует об «исшествии», или исходе, евреев из египетского плена в поисках земли обетованной. Сорок лет Моисей водил народ по пустыне, затем привёл в Палестину, где на реке Иордан с неба упала манна, и евреи обрели счастье – национальную жизнь, сосредоточенную вокруг скинии.

Повесть А.П. Чехова «Степь» рисует, на первый взгляд, скучный переход обоза торговцев через Степь из уездного городка в губернский город [10, с. 171-259]. Три дня перехода сакрализуют пространство и время Исхода обоза и мальчика Егорушки из детства в юность; передают опыт Исхода от незнания Родины к познанию Русской земли и русских людей; закладывают духовную основу к узнаванию добра и зла в жизни; отрывают от привычного, традиционного, домашнего уклада и ведут к новому, незнакомому жизненному опыту. Егорушка едет учиться. Но его главная учёба – познание жизни – уже началась. Егорушка увидел в Степи смиренного Пантелея, лихого человека Дымова, дурака Кирюху, угодливого Моисея, презирающего всех Соломона, богатого Варламова, красивую графиню Драницкую, счастливого Константина. Он посмотрел, как живут в Степи армяне, евреи, русские. Егорушка испытал в Степи страх грозы и смерти, радость свободы, удивление красотой Степи, её запахами, звуками, цветом, её ритмом. Егорушка через Исход одолел прошлое, детскость, инфантилизм, максимализм, сказочность жизни, духовную бесформенность. Пространство Степи явилось для него Исходом к новой земле светлого будущего, к юности, познанию жизни. Исход через Степь дал Егорушке новый багаж экзистенциальных переживаний Родины. Его генетическая память ожила и «вспомнила» ветхозаветных чабанов времён Авраама, русских богатырей с пиками, Егория Победоносца, степных разбойников. Ожили истории убитых и захороненных в Степи купцов, а их могилы превратились в степные курганы с древними захоронениями. Время и пространство Исхода ввели

Егорушку в план Вечного, возвышенного, в образ земли обетованной, ожидаемой и чаемой.

При исследовании концепта «степь» на уроках литературы школьникам предлагается поискать архетипы Степи, обозначенные Чеховым, взятые им из древнего источника – «Исхода» библейского, в котором также перечислялись народы, вышедшие из Египта, рассказывалось о бедной и тяжёлой жизни в чужой земле, о казнях египетских: язвами, голодом, саранчой, смертью детей. Описывался Исход из Египта через пустыню и море во главе с вождём Моисеем, кормление народа манной небесной и рыбой и, наконец, обретение земли обетованной, в которой Моисей даёт своему народу каменные скрижали с божественным законом и велит строить скинии для молитвы [9: Исход]. В чеховском тексте библейские архетипы раскодируются в разнообразном народе, идущем с обозом через Степь, в рассказах о тяжёлой судьбе каждого персонажа, о наказаниях потерей голоса, больным, отёкшим горлом, обмороженными ногами, налетевшими оводами и мошкаррой, смертью жены и детей Пантелея, гибелью купцов с детьми. Во главе бредущего через Степь обоза Чехов поставил главного возницу и назначил хозяина Степи – «маленького человечка» Варламова. Манна небесная заменена кашей и рыбой, ужином у ночного костра. Обретение земли обетованной у Чехова выглядит Исходом к большому городу, реке и дому Настасьи Петровны, в котором Егорушка будет жить. Мальчик выслушивает наказы как жить и учиться от священника, отца Христофора [10, с. 171-259]. В повести Чехова речь не идёт ни о греховности человека, ни о спасении его души, ни о церковных таинствах, Чехов создаёт философскую вытяжку из библейской мистериальной конкретности Исхода, и христианская универсальная сила способствует восстановлению истории человечества и санкционирует её продолжение в форме заключающего повесть вопроса: «Какова-то будет эта жизнь?» [10, с. 259]. Этот вопрос выводится учителем в пространство детских рассуждений и о своей будущей жизни, о своём возможном исходе как познании людей, добра и зла, страха и покоя, смерти и радости бытия.

Библейские экзегеты указывают, что во время Исхода было евреев «до шестисот тысяч пеших мужчин»; женщины и дети в Исходе не считались, но экзегеты называют цифру 1 миллион 400 тысяч жён и детей [9: Исход: 1, 7; толкования, с. 276], т.е. всего «исшедших» было 2 миллиона человек. После революции 1917 года Исход повторился в России. Цифры Исхода называются разные, но большинство придерживается 2-х миллионов. Русские люди покидали Россию двумя потоками: одни шли, как древние евреи, через Чермное (Красное), а в русском случае, через Чёрное море, другие – через Маньчжурскую степь. Для одних земель обетованной стала древняя земля Византии, называемая ныне

Турция, из которой «русь» рассеивалась по западному миру; для других – Китай и позднее рассеяние по восточному миру до Австралии. Казни египетские жабами, мухами, саранчой, язвами древнего библейского Исхода претворились в казни смерти железом, водой, чужой землёй Русского исхода XX века. Оба Исхода были вынужденными, внезапными, скоротечными, ибо «не могли медлить и даже пищи не приготовили себе на дорогу» [9: Исход: 12, 39]. Скинией Исхода, которая когда-то объединила евреев, для русских стала Православная церковь. Как Скиния устраивалась на пожертвования, так и русская эмиграция стала жертвовать на строительство православных храмов в Америке, Западной Европе, Китае, Австралии. До начала китайской «культурной революции» 1965 года русскими было построено 106 православных храмов в Китае. Существенная разница двух Исходов заключается в их результате: древние евреи обрели в Палестине землю обетованную, а для русских Исход стал трагедией всей жизни. Русский исход обернулся потерей Родины, гибелью родных, близких, страшной депрессией, которую назвали ностальгией, для русской эмиграции она стала хронической болезнью.

Историю Русского исхода, его трагические страницы, проблемы, психологию и надежды не могли не заметить забайкальские писатели Ю.Ф. Курц, М.Е. Вишняков, О.А. Димов. Школьники обращаются к текстам указанных писателей.

Юрий Курц своей книге «На арчаке казачьего седла» даёт дополнительное название – «очерки истории казачества Забайкальского края». Книга охватывает события XVII–XXI веков. Глава, посвящённая Исходу, названа «Забайкальский Исход», в которой автор просматривает два исторических эмиграционных потока на востоке стране: первый – в 1920-х; второй – в 1930-х годах. Первый поток связывается с революционным Исходом забайкальских казаков в Манчжурию, Харбин и Хайлар с войсками Г. Семёнова, А. Колчака, Р. Унгерна, В. Каппеля; второй поток приходится на коллективизацию казачьих хозяйств в Советском Союзе и побегом казачьих семей в китайское Трёхречье. Ю. Курц ссылается на историка забайкальского казачества В.В. Перминова, который сам оказался за рубежом и изнутри исследовал процесс Исхода, заселение Китая, Австралии забайкальскими казаками. Главными причинами выживания и благоустройства русских казаков за границей В.В. Перминов называет сохранение языка, православной веры и привычки к труду: «Попав на незнакомую землю, исконные землепашцы и скотоводы и здесь проявили свои природные способности и навыки, приспособились к новым природным условиям. Начали сеять пшеницу и хлопок, разводить лошадей, овец и кур. Со временем многие стали городскими жителями, освоив строительные и другие специальности» [6, с. 222]. Ю. Курц вписывает забайкальских казаков в Трёхречье – местность с плодородными землями между

три китайскими реками за Аргунью – Ганом, Дербулом, Хаулом. Ещё в 1870 году появились там первые русские заимки, которые постепенно выросли в хутора и деревни. Так, сообщает Ю. Курц, появляются станицы: Ершишная, основанная Пармоновым, Черноусиха, основанная Лопатиным, Манерка, принадлежащая Шестопалову [6, с. 225]. У многих забайкальских школьников предки эмигрировали в Трёхречье, поэтому учитель предлагает дополнить знания личными историями: это могут быть устные рассказы или сочинения-эссе, которые могут быть написаны дома вместе с родителями. Так осуществляется межкультурная коммуникация концептами через ключевое слово «степь».

В Трёхречье образуются богатые русские деревни с тысячными стадами, запаханными полями, таёжным промыслом. В этих землях шла бойкая торговля. Географически Трёхречье напоминало казакам Забайкалье с сочными травами, цветами, тетеревами, косулями, тайменями, щуками, грибами, брусникой, голубикой, черёмухой. Жизнь созидалась вокруг православных храмов. Появлялись кладбища, «на которых нашли покой сотни казаков, георгиевских кавалеров – героев Русско-японской и Первой мировой войн» [6, с. 226].

«Моисеем» Забайкальского Исхода стал атаман Г. Семёнов. Ю. Курц подчёркивает выдающуюся роль Семёнова в организации управления русскими поселениями. Ему удалось сформировать 18 казачьих станиц, объединить 65 посёлков, основать и обустроить столицу Трёхречья село Драгоценку (ныне Саньхэ) [6, с. 226]. В Трёхреченской станице были построены православная церковь и собор святых Петра и Павла на 16 тысяч человек жителей. Трагедией Трёхречья Ю. Курц называет выселение казаков в Советский Союз в 1950-е годы, где большинство из них попало под репрессии. В 1960-х годах, в период «культурной революции» в Китае, Трёхречье стало заселяться китайцами. Русские повсеместно вытеснялись из обжитых и обустроенных ими районов.

Страшным страницам ликвидации казаков и их семей посвящает главы своего романа «Из жизни в жизнь» О.А. Димов. Часть первую он называет «Предтеча». Предтечей образов главных героев романа становится у Олега Димова забайкальский казак Пантелей Батурица со своими сыновьями Петром и Павлом. Сотни лет казаки обустроивали таёжную землю, занимались охотничьим промыслом, ловлей рыбы, обрабатывали землю и засеивали поля. Ничто не сулило трагедии, никто не верил в обрушение жизни. В один день пьяные революционеры уничтожают семью казака Батурица, сжигают его большой дом. О. Димов на художественном материале обрисовывает уничтожение казачьих семей. Писатель продолжает линию повествования, сохранив жизнь одному из сыновей Батурица – Павлу, который назвался Петром и ушёл далеко на север в тайгу, чтобы затеряться от глаз ненавистной революционной власти. Павел меняет привычный уклад

жизни, предаёт забвению казачьи традиции и старается похоронить в глубинах памяти когда-то предложенный атаманом Г. Семёновым его отцу альтернативный путь ухода через Степь в Маньчжурию, чтобы «устроить хозяйство, зажить... домовито, спокойно» [4, с. 38]. На художественном материале О. Димов соединяет судьбы атамана Г. Семёнова и казака П. Батурина. Семёнов становится не только историческим персонажем романа, но и командиром забайкальских казаков в Первую мировую войну. «Прибывшие на фронт забайкальские казаки сразу стали участниками жестоких боёв, развернувшихся в Польше, – пишет Димов. – После войны... хорунжий Забайкальского казачьего войска, Герой войны, Георгиевский кавалер Григорий Михайлович Семёнов не признал советской власти» [4, с. 34]. Он возглавил белое движение на востоке страны и, как написал Димов, «до конца своих дней оставался верен своим убеждениям, что новая власть – величайшее зло для России» [4, с. 34].

О. Димов, так же, как и Ю. Курц, подчёркивает в генерале Г. Семёнове роль лидера, который вывел русских казаков на правый берег реки Аргунь в Китай. Аргунь для предводителя «Моисея»-Семёнова стала «Черным морем», которое расступилось и скрыло казаков в нивах Трёхречья – земле обетованной Русского исхода через степь.

Поэма М.Е. Вишнякова «Золото короны» целиком посвящена событиям Исхода. Если Юрий Курц называет трагедию забайкальского казачества 1920-х годов «Забайкальским Исходом», то Михаил Вишняков даёт более широкое определение русской эмиграции, называя её «Белым Исходом». М. Вишняков приравнивает Белый Исход к событиям Библии: «Библейского масштаба/ события в стране» [2, с. 111]. Школьники работают с символикой белого цвета. Белый цвет становится преобладающим, знаковым, идейным в поэме М. Вишнякова. Он символизирует чистоту, праведность и Правду. Идейный комплекс белого цвета подчёркивается в «Белой России», «Белом народе», «белом ядре», «Белой гвардии», «Белом герое», «белом ряде», «белой кости», «белой отваге». Белый цвет через зимний лейтмотив указывает и на зимнее Забайкалье: «Забайкалье – белый край», «белый домик» и «белый снег» в значении савана. Белый цвет в художественной эстетике русской литературы – это цвет Бога, отражение на земле отсвета Небесного. «Небесная символика». Школьники делают вывод: М. Вишнякова связывает через веру воедино пространство Руси и Забайкалья. Мысль поэта подчёркнута цветописью: «белая стая ангелов», «белый пророк», «белый свет», «белый конь». Архетип Белого коня восходит к «Откровению Иоанна Богослова», к житию святого Георгия Победоносца и надежде поэта на возрождение Белой России.

Русский исход у М. Вишнякова – это Крестный путь: «И в Манчжурию

унесли/ горстки мёрзлой русской земли» [2, с. 106]. Казаки не искали чужой земли, они хотели вернуть свою. Русские сыновья покинули Землю-мать. Оставшись без защитников, она страдает и плачет. М. Вишняков использует топические сюжет, мотив и символику, отправляя читателя к известным значениям древнерусской литературы. На Руси исчезает мир и покой, начинаются раздоры, вражда. Земля ждёт своих сыновей-защитников. Автор возлагает надежды на внуков, на «лампадку памяти», зажжённую в Русской православной церкви китайского Трёхречья: «Божью Матерь русских сынов/ внёс в Хайлар казак Иванов» [2, с. 91].

В Трёхречье у М. Вишнякова решается судьба Белых людей: «Ушли за Онон,/ за жёлтый кордон,/ где путь обрывается» [2, с. 92]. Вместо знакомых русскому читателю из сказок трёх дорог поэт выводит забайкальских казаков через Маньчжурскую степь на три реки. Левый путь, по мнению Вишнякова, – это путь «чужебесия». Вместо библейского огненного столпа степная метель «ведёт», ослепляет глаза и замечает путь русским казакам. Поэт называет причину чужебесия в идеях «кащеевых внуков»: Стеньки Разина, Пугачёва, вольтерьянцев, масонов, декабристов, «красных волчат». Одной строчкой поэт заключает результат чужебесия: «осатаневшая от смуты страна» [2, с. 94]. Правый путь через Степь привёл казаков в «жёлтый Харбин». Русское время было остановлено. Вишняков вплетает в поэму мотив потерянного Рая, который русские ищут в чужой земле. Вместо Рая – «эмигрантская свалка», опий, горечь, гниль, ночные кабаки. «Русский ищет Россию», а Русская земля ждёт своего Спасителя, напишет Вишняков. Прямой путь – это путь ожидания. Прямая дорога через Степь на Трёхречье – это путь смерти: «эти бурты среди мёрзлых делян –/ прах казаков, офицеров, крестьян» [2, с. 107]. Русская душа погибала от «чёрного угара» и «горького дыма» в «золотом плену»: «Время отголосило,/ откричало навзрыд./ Воин белой России,/ ты убит и забыт./ Пётр Сергеевич Думнов,/ офицер и поэт:/ И никто не бедует,/ что в Чите тебя нет.../ Воин белой России,/ ты скончался от ран» [2, с. 94]. Поэт играет словами, определяя третий путь русского казака: «тлен золотой или плен золотой?» [2, с. 102]. В поэме «Золото короны» М. Вишняков создаёт образы противопоставления: чужебесию противопоставлен Русский Царь; «жёлтому Харбину» – белый штабс-капитан и его Мария, которая ждёт ребёнка-Спасителя; смерти – надежда на будущее возрождение России внуком белого казака, который поднимет «золото короны» и водрузит его над новой Русью. С подробным анализом поэмы «Золото короны» можно познакомиться в статье Л.В. Камединой [5, с. 75-81].

Школьники замечают, что у забайкальских писателей Ю. Курца, О. Димова, М. Вишнякова совпадают взгляды на Русский исход, в частности, на его причины, его трагическую сущность, результат. Каждый из них по-своему раскрыл тему Исхода: Курц – в очерковой, Димов – в художественно-романической, Вишняков – в поэтической формах. Своеобразие жанровой специфики помогает читателю

понять Русский исход как событие историческое, знаковое, жертвенное. У всех проглядывает перспектива движения Белого исхода, вера в возрождение казачества, возвращение потомков забайкальских казаков на Русскую землю, рождение новой государственности: «За чёрным поколением/ приходит белый ряд» [2, с. 111].

Выводы

Таким образом, Маньчжурская степь стала воротами в другой мир. Казаки, заняв пустое Трёхречье, превратили его в «землю обетованную» с богатыми русскими деревнями в китайской Маньчжурии. Писатели видят в этом историческую миссию русского народа: из поколения в поколение передавать чистоту веры, находить общие духовные смыслы для жизни в освоенном восточном пространстве. Они органично вписывают забайкальскую историю в русло большого Русского текста. Работая с концептом «степь» на уроках забайкаловедения школьники понимают, что региональный взгляд представляет собой не узко местную точку зрения, а попытку концептуального выговаривания через себя общерусской точки зрения. Геопэтика забайкальских писателей «упаковывает» Степь как пространство Исхода в геопэтические образы, делая локальный текст общерусским текстом, определяя его место в литературе, обозначая мировые точки Исхода, его границы, стыки границ и одновременно наращивая в нём архетипические культурные смыслы.

Литература

1. Былины. М.: Советская Россия, 1988. 576 с.
2. Вишняков М.Е. Стихи и поэмы. В 2 т. М.: Русь, 2005. Т. 2. 350 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 4. 688 с.
4. Димов О.А. Из жизни в жизнь. Чита: Поиск, 2013. 536 с.
5. Камедина Л.В. Изучение поэмы Михаила Вишнякова «Золото короны». В: Слово Забайкалья: литературно-художественный журнал. Чита: ООО «ИД Азия-пресс», 2017. № 3. с. 75–81.
6. Курц Ю.Ф. На арчаке казачьего седла: очерки истории казачества Забайкальского края. Чита: Поиск, 2011. 528 с.
7. Лихачёв Д.С. Слово о полку Игореве: историко-литературный очерк. М.: Просвещение, 1976. 175 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
9. Толковая Библия. В 3 кн. СПб.: Изд. А.П. Лопухина, 1904–1913. Кн.1. Репринтное издание 1987 года.
10. Чехов А.П. Степь. Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1974. 703 с.